

Глава 4

— Значит, ты не проклятый дух?

«Что?! Да как я, по-твоему, могу быть столь уродливой тварью?» — возмутился мысленный голос в голове Конана.

Собеседник, впрочем, не слишком отвлекался на споры: он увлеченно уплетал сладкие дораяки, уткнувшись мордой прямо в тарелку.

Конан невольно скривился. Общение без помощи пасти, надо признать, ничуть не мешало собаке наслаждаться трапезой.

— Тогда кто ты? Ёкай? Магический питомец?

Мальчику было уже почти всё равно. Он просто хотел посмотреть, какими еще нелепостями огорошит его этот сошедший с ума мир.

Сидевшая у низкого столика девушка в кимоно поспешила вмешаться:

— Не смей дерзить! Великий Бог-собака — божество, чья суть недоступна пониманию простых смертных.

Маленький щенок наконец оторвал испачканную мордочку от блюда и умильно склонил голову набок, глядя на мальчика чистейшим, невинным взглядом.

«Да ладно тебе, я самый обычный щенок. Гав-гав!»

Конан огляделся по сторонам, окончательно лишившись дара речи от подобного лицемерия.

Должно быть, все его чувства слишком явно отразились на лице, потому что щенок вновь обратился к нему мысленно:

«Если уж старшеклассник умудрился усохнуть до размеров первоклашки, то почему порядочный пес не может разговаривать по-человечески? Это, между прочим, чистой воды дискриминация!»

«Не приплетай сюда дискриминацию!» — мысленно взревел Конан, чувствуя, как у него дергается глаз. Но вслух спросил:

— И откуда ты... откуда тебе это известно?

Хуа Лин взглянула на него со снисходительным пониманием:

— Не стоит так удивляться. Богам открыто всё на свете.

В круглых глазах щенка тем временем промелькнуло легкое замешательство.

«Ну... я просто случайно краем глаза заглянул в твою душу. Честное слово, без задней мысли! Я не какой-то там извращенец и шпион, сразу же отвернулся. Так что я понятия не имею, по ком ты там сохнешь... Ну, по этой, как ее, Ран...»

— Достаточно! Хватит, я всё понял! — оборвал Конан мысленную тираду.

На него навалилась глухая, свинцовая усталость.

Раньше, приоткройся перед ним тайная изнанка мира, Конан непременно загорелся бы азартом первооткрывателя. Но сейчас... к черту. Ему было плевать. На сегодня лимит потрясений исчерпан окончательно.

Тем временем щенок прикончил последнее дораяки и сыто облизнулся.

— Господин Бог-собака, вам пришлось по душе сегодняшнее подношение? — почтительно поинтересовалась Хуа Лин.

Песик довольно закивал.

«Замечательно, Хуа Лин. Спасибо тебе, ты сегодня отлично постаралась».

— О чем вы, господин! Служить вам — величайшая радость для меня, — на лице девушки отразилась искренняя признательность.

Конан, верный профессиональной привычке подмечать несостыковки, нахмурился:

— Разве собакам можно человеческую еду? Особенно таким крохам. Там же полно сахара и специй, они это просто не переварят.

— Господин Бог-собака всемогущ, — на полном серьезе возразила Хуа Лин.

«А вот совать нос в чужую миску тебе не положено», — притворно-строгим тоном отозвался щенок. — «Раз уж ты отдохнул, тебе пора уходить. Хуа Лин, проводи-ка его».

Девушка послушно кивнула и, достав из шкафа детские вещи, протянула их Конану:

— Переоденься в это, и я выведу тебя.

Конан переоделся в традиционное платье слуги детского размера. Оказавшись у дверей тесной японской комнаты, он на секунду замялся, а затем обернулся к щенку:

— Я ведь так и не узнал твоего имени. Ты вытащил меня с того света, я должен хотя бы знать, кого мне благодарить.

Песик посмотрел на него долгим, на удивление серьезным взглядом.

«Сяочунь. Зови меня просто Сяочунь».

— Ясно, — кивнул Конан. — А мое настоящее имя — Синъити Кудо.

«Знаю».

Следуя за девушкой по извилистым коридорам, Конан украдкой осматривался. Поместье дышало глубокой древностью: ни намек на современную технику или мебель, а редкие обитатели носили исключительно традиционные одежды. Казалось, они каким-то чудом перенеслись на несколько веков назад.

Они скользнули к не приметной боковой двери. Убедившись, что вокруг ни души, Хуа Лин тихо заговорила:

— Выйдешь отсюда и иди по тропе через рощу. Через два километра покажется шоссе. Пройдешь еще километр вдоль обочины — там автобусная остановка.

— Понял.

Хуа Лин молча созерцала его несколько секунд, после чего тихо произнесла:

— И больше никогда сюда не возвращайся. Обычным людям нечего делать в мире магов-заклинателей. Поверь мне на слово.

Конан почувствовал ее искреннее беспокойство.

— Спасибо, Хуа Лин, — он помедлил, глядя на нее, но всё же решил продолжить: — Знаешь... если ты сама захочешь уйти, выход всегда найдется. Из любой клетки можно выбраться, нужно лишь попробовать...

— Ты хороший человек, но слишком наивный, — бесстрастно оборвала его девушка. — Находились те, кто пробовал сбежать. В итоге все они либо погибли, либо сошли с ума.

— Почему?.. Как такое возможно?

— Таков наш мир. Он пропитан кровью, а человеческая жизнь здесь не стоит и ломаного гроша. Уходи, возвращайся к своей привычной реальности.

Слова прозвучали легко, почти невесомо, но от них веяло могильным холодом. Конан стиснул кулаки, чувствуя, как в груди поднимается волна горького гнева.

— Может, для здешних обитателей это и непреложная истина, — твердо произнес он, глядя ей прямо в глаза. — Но даже если вся ваша община верит в подобную дикость, это не делает ее нормой. Если маг-заклинатель совершает преступление или проливает кровь, он обязан отвечать перед законом! Человеческая жизнь священна, и никто не вправе ее отнимать.

Хуа Лин впервые в жизни слышала нечто подобное. На мгновение она опешила. Эти слова отдавали вопиющей наивностью и детским упрямством, но... в них было столько искреннего тепла. Должно быть, именно за это удивительное внутреннее свечение господин Бог-собака и решил даровать мальчишке спасение.

— Прощай, Хуа Лин, — сказал Конан.

— Прощай.

В последнее время в поместье клана Годжо творился сущий кавардак: один из племянников главы без видимых причин тронулся умом, кузина покончила с собой, наотрез отказавшись от брака по расчету, а у ворот то и дело терлись какие-то назойливые чужаки. Вот только юного наследника клана все эти дразги ни капли не трогали.

Сатору донимала куда более серьезная проблема — у него самым наглым образом пропадали десерты.

И ладно бы разок, но это случилось уже в третий раз! Мальчик буравил ледяным взглядом абсолютно пустую фарфоровую тарелку. Взгляд его чистых, пронзительно-голубых глаз сделался опасно колким. Перед тем как уйти выслушивать нудную чепуху от старейшины Сэйтё, на этом самом месте красовались три пухлых клубничных дайфуку.

Слуги на пороге божились, что ничего не видели, и Шесть глаз подтверждали: они не врут. В комнате не осталось даже следа чужой проклятой энергии. Мистика, да и только.

— Принесите еще одну порцию, — ледяным тоном скомандовал Сатору.

— Но... молодой господин Сатору, это будет крайне затруднительно, — слуга согнулся чуть ли не пополам, лепеча от страха. — Глава клана распорядился выдавать вам сладости строго раз в день. Если господин Сэйтё прознает, что мы потакаем вашим капризам...

Договорить он не успел. Из комнаты со свистом вылетела фарфоровая тарелка и с оглушительным звоном разлетелась вдребезги у самых его ног.

Следом с треском захлопнулись раздвижные сёдзи.

Слуга так и остался стоять на веранде, боясь даже вздохнуть. Несколько минут спустя сёдзи снова разъехались в стороны. Сатору уже переоделся в свободную каригину, не стеснявшую движений во время боя.

Мальчик слегка вздернул по-детски пухлый подбородок, лицо его казалось мрачнее грозовой тучи.

— Живо в додзё. Найдите мне кого-нибудь для спарринга!

— Сию минуту! — заголосил слуга и бросился прочь.

Когда Сатору перешагнул порог додзё, его уже ждали. Посреди зала замер юноша лет четырнадцати. Его длинные белоснежные волосы — гордость и визитная карточка их клана — были стянуты в высокий хвост. Тонкие, правильные черты лица юноши сейчас казались на редкость суровыми. Увидев Сатору, он отвесил глубокий поклон.

Это был Нобутэру Годжо — пожалуй, один из самых перспективных молодых бойцов семьи, который в свои юные годы уже заслужил ранг мага-заклинателя второго класса.

— Спарринг, — лаконично бросил Сатору.

Нобутэру почтительно кивнул. Оба они без лишних слов сошлись в рукопашной схватке. Никакой магии и проклятой энергии — только чистое тайдзюцу.

В тайдзюцу Нобутэру не знал равных среди сверстников — идеальная техника, выносливость, отточенная реакция. Но сейчас, ведя бой против ребенка, который едва доставал ему до плеча, юноша выбивался из сил. Лишь то, что скелет и мускулатура Сатору еще не успели окончательно окрепнуть, спасало его от мгновенного фиаско. Нобутэру прекрасно понимал: его поражение — лишь вопрос времени.

Хлыст удара рассек воздух. Нобутэру резко уклонился всем корпусом, пропуская ногу

противника в считанных миллиметрах от лица. Пятка Сатору врезалась в массивную каменную тумбу, расколов вековой гранит пополам.

Чудовищный прогресс. Буквально полгода назад Нобутэру с легкостью укладывал его на лопатки, а сегодня едва поспевал за его движениями. Очевидно, очень скоро клану придется искать для наследника нового тренера.

Они дрались яростно, без устали. С открытой площадки спарринг перенесся на черепичные скаты крыш, оттуда — в крытые переходы. Смяв декоративные кусты, разнеся в щепки несколько дверных перегородок и знатно попортив опорные колонны, бойцы наконец разошлись вничью.

— Вы стали еще сильнее, господин Сатору, — тяжело дыша, с глубоким почтением произнес Нобутэру.

Божественное дитя никак не отреагировало на похвалу. Но, оглядев учиненный разгром и представив кислую мину старейшины Сэйтё, которому придется выложить кругленькую сумму на ремонт галереи, Сатору наконец слегка потеплел взглядом. Настроение улучшилось.

Только Нобутэру собрался уходить, как дорогу ему преградил посыльный: глава клана требовал его к себе. Не имея времени даже сменить пропитанную потом одежду, юноша поспешил в резиденцию Сэйтё.

— Говорят, наш юный господин делает колоссальные успехи в тренировках? — небрежно поинтересовался Сэйтё Годжо, когда юноша переступил порог его комнат.

Полагая, что старик снова пытается выудить из него крупницы информации о наследнике, Нобутэру ответил спокойно и прямо:

— Так и есть. Талант господина Сатору запределен. Смею предположить, уже через год он сравнится по силе с магами-заклинателями второго класса.

— Второго класса — и всего в восемь лет, — Сэйтё хрипло рассмеялся. В этом смехе сквозила и фамильная гордость, и глухой вздох зависти. — Настоящее чудо, рождающееся раз в тысячу лет. Знаешь, Нобутэру, я порой думаю: счастье это или кара для вашего поколения — вечно оставаться в тени столь ослепительного сияния?

Нобутэру лишь ниже опустил голову, благоразумно промолчав.

— Сатору еще слишком юн, а остальные два великих клана только и ждут нашей оплошности, — продолжал вещать Сэйтё. — Сейчас нам нужно затаиться, выиграть время. А значит, сохранять стабильность в отношениях с Тремя великими кланами важнее всего.

Юноша терпеливо ждал продолжения, чувствуя, как внутри нарастает напряжение.

— Ты ведь уже знаешь, что бедняжка Юки на днях преставилась из-за внезапной болезни?

Юки Годжо — та самая двоюродная сестра, которая наотрез отказалась выходить замуж за наследника Дзэнин и тайно наложила на себя руки. В официальной версии ее смерть, разумеется, назвали «скоротечным недугом».

Сердце Нобутэру пропустило удар.

— Да... Мои соболезнования.

Никакой скорби на лице Сэйтё не было и в помине. Он равнодушно приподнял веки и как бы между прочим поинтересовался:

— Слушай, Нобутэру, твоей сестре ведь уже исполнилось восемнадцать?

Холодный пот прошиб юношу до костей.

— Глава... но Мицуки с самого детства слаба здоровьем, она едва...

— Послушай меня, — Сэйтё неторопливо поднялся с места и подошел к парню вплотную, глядя на него хищным, давящим взглядом. — Ваша ветвь семьи жила в сытости и покое исключительно благодаря щедрости клана Годжо. Пришла пора платить по счетам.

Старейшина фамильярно похлопал парня по плечу и вкрадчиво зашептал ему на ухо:

— К тому же стать супругой будущего главы клана Дзэнин — это великая милость, о которой другие могут только мечтать.

Юноша застыл как изваяние. Он сжал кулаки так, что костяшки побелели, изо всех сил стараясь сдержать рвущееся наружу бешенство.

Вернувшись в свою каморку, Хуа Лин застала щенка лениво развалившимся на прохладной бамбуковой циновке. Перед ним лежала раскрытая книга, а круглый животик господина Бога-собаки, кажется, стал еще больше.

— Господин Бог-собака, Конан благополучно ушел, — негромко доложила она.

«Спасибо тебе, Хуа Лин».

— Что вы, мне это совсем не в тягость, — мягко ответила девушка.

Песик резво подбежал к ней и ткнулся влажным носом в колени. Хуа Лин тихонько рассмеялась. В ее обычно тусклых глазах затеплился мягкий свет — она уже и забыла, когда в последний раз улыбалась столь искренне.

«Ты чем-то расстроена? Хочешь поговорить?»

Хуа Лин растерялась. С тех пор как не стало родителей, никто больше не интересовался ее переживаниями.

«У господина Бога-собаки удивительно нежная душа», — подумала девушка. Подавив легкую щемящую грусть в груди, она решила открыться:

— Я ведь раньше никогда не общалась с обычными людьми из внешнего мира. И теперь... я им немного завидую.

Песик понимающе вздохнул. У Конана была ослепительно яркая душа. А такие души неизменно притягивают к себе тех, кто вынужден влачить существование во тьме, но до боли тоскует по свету.

«Он тебе что-то сказал перед уходом?»

И девушка без утайки пересказала Харуе весь их разговор.

«Его слова верны лишь отчасти», — мысленно отозвался щенок. — «Но знаешь... только практика способна подтвердить или опровергнуть любую теорию. Если у тебя возникли сомнения в правильности здешнего уклада, почему бы тебе не проверить всё самой?»

— Самой? — Хуа Лин удивленно распахнула глаза.

«Именно. Тебе ведь безумно важно найти ответ, так? Пока не сделаешь шаг, ни черта не поймешь. Негоже превратиться в дряхлую старуху и перед смертью горько сожалеть о том, что так и прожила жизнь в неведении».

Девушка застыла, не находя слов. В глубине ее зрачков затеплился непривычный, живой блеск, заставивший всю ее фигуру неувовимо преобразиться.

«К тому же», — продолжил Харуя, — «вы с Конаном наверняка еще пересечетесь. Вот тогда

лично ему и доложишь, прав он был или нет».

— Хм? Господин Бог-собака, неужели это ваше пророчество?

«Какое там пророчество, обычный дедуктивный метод», — беззаботно фыркнул Харуя. — «Прирожденный ищейка физически не способен пройти мимо неизведанного мира. Изучать и докапываться до сути — его базовый инстинкт. Рано или поздно он снова вляпается в дела магов, и вот тогда вы точно встретитесь».

Хуа Лин уловила, как в мыслях щенка скользнула мимолетная тень тревоги.

— Разве пытливый ум — это плохо? — спросила она.

Маленький пес помрачнел и погрузился в редкое для него молчание.

«Плохо», — наконец прозвучало в ее сознании. Голос Харуи сделался глухим и отрешенным. — «Они безумно любят тех, кто слишком много думает».

Ведь тот, кто без оглядки предается размышлениям об устройстве мироздания, обречен на безумие.

<http://bllate.org/book/19550/1950883>